

менное воображение. Он богат мыслями и умеет выражать оные с о с о б е н н о ю о п р я т н о с т ю (разрядка наша. — А. Г.). Краски его свежи, изображения страстей глубоки, описания и картины его имеют какую-то волшебную привлекательность»⁵. Замечание об умении выражать свои мысли «с особенною опрятностию» весьма существенно, так как характеризует одну из особенностей стиля раннего Мура — стремление подчинить развитие стихотворения строго продуманной композиции. Вариативность композиционных построений, в свою очередь, явилась поиском путей выхода из канонов классической строгости к романтической свободе.

Если переводы на русский язык отдельных «ирландских мелодий» получили распространение в 20-е годы, то с произведениями цикла «Юношеские стихотворения» (1801) знакомство читателей состоялось 30 лет спустя. Тем не менее русские литературные критики придерживались мнения, что раннее творчество Мура находилось под влиянием поэзии Анакреонта. Так, Орест Сомов, в это время близкий к кругам декабристов, в статье «О романтической поэзии», говоря о мелких стихотворениях, «отличающихся нежностью Поэзии и заслуживающих ему (Муру. — А. Г.) название Анакреона (Анакреон Мооге), имеет в виду вышеупомянутый цикл и отмечает, что Мур «разнообразнее в предметах и характерах, нежели Лорд Байрон, и, по признанию знатоков Английского языка, слог его имеет более гладкости и круглости»⁶. Нетрудно заметить, что эти суждения восходят к зарубежным источникам. «Юношеские стихотворения» долго не переиздавались, и знакомство русского читателя с ними было затруднено. С другой стороны, по мере выхода отдельных тетрадей «Ирландских мелодий» появляются первые переводы, например на страницах «Литературных листов»⁷.

Часто встречаемое выражение «пиетический триумvirат» казалось критикам весьма удачным, тем более, что оно хорошо согласовалось с расстановкой поэтических сил в русской литературе. Например, в статье, где речь идет о Жуковском, Батюшкове и Пушкине, упоминается триумvirат английских поэтов, состоящий, как мы знаем, из Байрона, Вальтера Скотта и Мура⁸.

Русские журналы живо реагировали на появление новых произведений Томаса Мура. Так, если в мартовском номере «Русского инвалида» за 1823 г. сообщалось о выходе поэмы «Любовь ангелов», которая «наделала много шума в Англии»⁹, то майский извещал о том, что Мур «печатает собрание Басен и других мелких Стихотворений»¹⁰. Из июньского номера читатели узнают, что «Любовь ангелов» уже переведена на французский язык¹¹. Это означало скорое знакомство с поэмой.

Начиная с 1824 г. имя Мура встречается в русской печати особенно часто в связи с дневником, завещанным ему Байроном, после смерти которого возникло скандальное дело, развязанное многочисленными претендентами на обладание ценным биографическим материалом. Позднейшее публичное сожжение дневника не могло вызвать упрека Муру, ибо заинтересованные читатели знали, что в «записках» изложены обстоятельства, касающиеся до некоторых родственников и кои могли показаться для них оскорбительными (<...>)¹². Из открыто публикуемого письма Мура в июньском номере «Русского инвалида» можно было узнать о некоторых причинах инцидента, как и об отвергнутых автором денежных посулах, которые вскоре последовали от тех же родственников, «одушевленных благороднейшими чувствами»¹³. Пушкин одним из первых дал правильную оценку случившемуся в письме к Вяземскому от ноября 1825 г.: «Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его „Лалла-Рук“ (в его поэтическом отношении)»¹⁴.

Полемика вокруг записок Байрона несколько затушевала критические отзывы о собственном творчестве Мура. Тем не менее русские читатели регулярно осведомлялись о новых историко-биографических работах